

Сергей Юрьенен. Александр Зиновьев — книга вторая...⁹

«Русские снова потрясают мир» — такова была реакция Запада на первую книгу Александра Зиновьева. Неподцензурная советская литература последних десятилетий заняла одно из ведущих мест в мировом литературном процессе. «Зиновьевский феномен» подтвердил огромный ее потенциал, этой первой из двух наших литератур.

Госиздатовская литература ирреальна. Оставляя писателю возможность заявить о себе на уровне стилистики, она даже в лучших и редких своих образцах проходит по касательной к советскому бытию. Тем более по касательной — чем насущней и современной тематика. Ей, госиздатовской, отказано (одновременно сверху ее призывают стать «ближе к жизни») именно в том, что делает литературу хлебом насущным, — в непосредственном овладении реальностью. Творящейся сейчас. Одновременной писателю и читателю. Каково бы ни было в нрав-

⁹ Третья волна. Альманах литературы и искусства. Изд-во «Третья волна», 1979, с. 130.

ственном аспекте состояние души советского писателя, от цинизма сознательных фикций до тщетных и одиночных вылазок в реальность — приходит в своем творчестве он к одному и тому же, к беспредметности, этой субстанции Госиздата. Какова реальность, такова и литература. Это очевидно. Но такова она до тех лишь пор, пока соглашается быть производной от соцреальности, наложившей запрет на осознание и изображение себя (одновременно утверждая, что «для советского писателя нет запретных тем») на мысль, равную реальности. На тождественное ей изображение. Достигнув низшей фазы коммунизма, мы явно прогрессировали в этом смысле с пещерных времен: первобытный коммунизм все же позволял интеллектуальную деятельность, судя по дошедшим до нас наскальным изображениям мамонтов и космических пришельцев.

Так вот, в «Светлом будущем», книге всецело и долгожданно советской, изображение адекватно предмету. Как в жизни, советский человек, современник, в ней многогласно осмысливает и шестидесятилетнюю практику коммунизма, и ситуацию сего, тупикового момента, и варианты выхода из него, но, главным образом, самого себя — беспощадно, с клинической точностью.

Общеизвестна рекламная роль «нового человека», создание которого заявлено программой КПСС одним из залогов «светлого будущего». На заре его Ленин критически отзывался о человеческом материале, впервые в истории попавшем в западную идеологию. Прозорливый вождь предвидел известные затруднения с первостроителями коммунизма. Неизжитая память о прошлом делала неблагонадежным человека первых пятилеток. 60 миллионов носителей этой памяти пришлось физически свести на нет, и все же в сознании уцелевшего советского народа пережитки темного прошлого» доистребить не получилось... Однако нельзя отрицать больших успехов эпохи Репрессанса, или (по Зимину, персонажу зиновьевской книги) классического коммунизма в деле массового получения человека новой формации — сталинского мутанта, внутри которого пошло разложение тысячелетних нравственных законов. И последующий исторический период «Растерянности и Стабилизации» по сравнению с Репрессансом в этом смысле полностью исчерпывается замечанием Маркса о гнусности раба, осознавшего свое рабство и тем не менее не взбунтовавшегося... Вот этот тип самосознающего рабства во множестве его вариантов, на всех уровнях пирамидальной структуры советского бытия и составляет во второй книге Зиновьева предмет системного описания и анализа.

Читатель, пожалуй, еще не знал столь скрупулезного свидетельства о разложении «самой передовой идеологии», причем изнутри самих ее носителей, теоретиков «научного» коммунизма. Крушение и распад самого ее мозга зафиксирован с профессиональной точностью. Обе книги Зиновьева относятся в прямом и точном смысле слова к интеллектуальной литературе, осваивающей реальность с помощью методов социальных наук. Симбиоз «художественности» и «научности» позволил автору создать универсальную книгу о духовной ситуации 60—70-х годов, а особенности его метода определили успех зиновьевских текстов по основам коммунизма на «структуралистском» Западе («первой книгой XXI века» назвали здесь «Зияющие высоты») — среди той части интеллектуалов, которая осталась закрытой к изображению советской «жизни в формах самой жизни». В этой среде Зиновьев воспринят как откровение. И есть читательские свидетельства о внезапных прозрениях относительно сущности коммунизма, о том, что же это такое — • реальность заманчивого «светлого будущего». Что ж, все во благо... Половина человечества, неизбежно идущая (по мнению советских газет) к нашему будущему, должна иметь представление о его законах, и тексты Александра Зиновьева, целью которых является «выделить специфические явления коммунизма в чистом виде, как это делал Маркс по отношению к капитализму, и подвергнуть их объективному исследованию. Вот и все», вооружают читателя выстрадавшим и человеколюбивым советским знанием. В 1918 году (приглашаю к краткой эстетической разрядке...) Ленин говорил: «Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не

знаем, это сказать не можем. Сказать, что эра социальной революции началась, что мы то-то сделали и то-то хотим сделать, — это мы знаем, мы скажем, и это покажет европейским рабочим, что мы, так сказать, не преувеличиваем свои силы нисколько: вот что мы начали делать, что собираемся сделать. Но чтобы мы сейчас знали, как будет выглядеть законченный социализм, — мы этого не знаем».

Чего не знал первоисточник и основатель, сегодня, спустя шестьдесят лет, знает каждый советский человек — каков он, социализм «зрелых, развитых» форм. И о себе, его продуктах, мы знаем — какие мы суть. Именно наш опыт аккумулировал такую энергию возмущения и протеста, о которой призабыло прочее человечество, и поскольку ему, советскому представителю человечества, открываются звезды вечности, поскольку все обширней и тверже в нем сила противодействия. Нравственная сила, рождающаяся в самых предельных условиях человеческого бытия.

Где же ей и взяться ныне, как не на самом краю.

В ком же еще, как не в человеке советском. И в ней — единственное наше оправдание. И смысл крови соотечественников.